

Жанровое своеобразие калмыцкой поэзии конца XX – начала XXI в.: тема картофеля в сибирской ссылке

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Предметом* исследования стала тема картофеля в сибирской ссылке калмыцкого народа (1943–1957) *на материале* репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений, написанных на родном и русском языках. Созданные авторами, пережившими сибирскую ссылку, рожденными во время или после ссылки, эти тексты передают личную и коллективную память о народной трагедии XX в. *Цель статьи* — выявить жанровое своеобразие таких стихотворений конца XX — начала XXI в., рассмотреть синтез жанров, раскрыть трансформацию фольклорной традиции в жанрах гимна, слова, плача и др. Сравнительно-сопоставительный, сравнительно-типологический, историко-функциональный *методы* способствуют изучению заявленной темы в аспекте «задержанной» поэзии прошлого столетия, а также в контексте современного литературного процесса. *Актуальность* и новизна данной статьи обусловлены неизученностью указанной темы в ракурсе истории депортации и ссылки калмыков на примерах стихотворений избранных авторов. *Результаты.* Тема картофеля в сибирской ссылке на примерах репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений являет особый дискурс личной и коллективной памяти народа о трагических страницах истории XX в. Традиционная модель питания претерпевает изменения в условиях выживания спецпереселенцев, вытесняя привычную пищу. Мотив мерзлого картофеля превалирует в произведе-

ниях, становясь маркером голода, холода, нищеты, бесправия. Жанровое своеобразие произведений, созданных как гимн, слово, плач, послание, проявилось в трансформации фольклорной традиции в калмыцкой поэзии о сибирской ссылке. Включение элементов благопожелания (*йөрэл*), гимна (*частр*), слова (*үг*), плача (*эңслһн*), поучения (*сургаал*), сновидения (*зүүдн*) демонстрирует также синтез жанров, характерных для фольклора и литературы монголоязычных народов. Монологические и сюжетные формы определяют содержательный аспект стихотворений, обращенных к современникам и потомкам, прямо или в контексте призывающих не забывать о трагическом прошлом народа.

Ключевые слова: депортация, сибирская ссылка, картофель, калмыцкая поэзия, слово, гимн, плач, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанровое своеобразие калмыцкой поэзии конца XX – начала XXI в.: тема картофеля в сибирской ссылке // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 170–199. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-170-199

Genre Originality of Kalmyk Poetry in the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: The Theme of Potatoes in Siberian Exile

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with the theme of potatoes in the Siberian exile of Kalmyks (1943–1957) and focuses on representative poems by Kalmyk poets of different generations written in the native and Russian languages. The texts were created by authors who survived the Siberian exile (i.e. were born during or after the latter) to convey personal and collective memories of the twentieth-century tragedy of the ethnos. *Goals.* The paper seeks to reveal the genre originality of such poems from the late twentieth through the early twenty first centuries, consider syntheses of genres, articulate some transformations of the folklore tradition in the genres of anthem, word, lamentation, etc. *Methods.* The comparative, comparative-typological, and historical-functional methods prove instrumental in examining the mentioned theme in the aspect of somewhat ‘delayed’ poetry of the last century and in the context of present-day literary processes. In general, the theme remains understudied in terms of the history of Kalmyk Deportation and has never been viewed through the prism of poems by selected authors. *Results.* Potatoes and Siberian exile in representative poems by Kalmyk poets of different generations shape a special discourse of personal and collective memories about the dramatic pages of twentieth-century history. The struggle for survival and absence of usual food did transform the traditional eating patterns of special settlers. The motif of frozen potatoes starts prevailing in the works to become a marker of starvation, cold, poverty, rightlessness. In Kalmyk poems about the exile, the genre originality of texts created as anthems, words, laments, and messages was manifested in transformed patterns of the folklore tradition. The inclusions of elements inherent to well-wishes (Kalm. *yöräl*), anthems (*chast*), words (*üg*), laments (*enslyn*), teachings (*surgaal*), and dreams (*zүүдн*) also attest to syntheses of genres characteristic of Mongolic folklores and literatures. Monologic and storyline forms determine the content-related aspect of the poems addressed to contemporaries and descendants — directly or else insisting that the tragic past of the people never be forgotten.

Keywords: deportation, Siberian exile, potatoes, Kalmyk poetry, word, anthem, lamentation, historical memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Khaninova R. M. Genre Originality of Kalmyk Poetry in the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: The Theme of Potatoes in Siberian Exile. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 1: 170–199. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-170-199

Введение

«Типы и особенности продуктов питания монгольских народов находились в прямой зависимости от географической среды, социально-экономических условий, в том числе таких факторов, как тип хозяйства, природная зона и т. д.» [Дамдинов 1989: 43]. Модель питания, считавшаяся ранее устойчивой стороной культуры народа, как известно, претерпевает изменения — от традиционной к современной, связанной с историческими и социальными переменами. Так, Э.-Б. Гучинова замечает, что «современное питание калмыков в значительной степени отличается от традиционного. Переход на оседлый образ жизни, появление городов, а затем и депортация — все эти факторы не могли не изменить их пищевой рацион. Если ранее он был сбалансирован на основе животноводческого хозяйства и его продукции, то со временем жители республики перешли на распространенную в СССР систему питания, ориентированную не на личное хозяйство, а на ассортимент местного продмага. Проживание рядом со славянским населением в республике, затем в условиях выселения — с сибиряками или с жителями Средней Азии в значительной степени разнообразило пищевой рацион калмыков» [Гучинова 2001: 231–232]. Приготовлению заимствованных кушаний «калмыки научились в основном в годы депортации» [Гучинова 2001: 232].

Картофель был одним из основных видов пищи, благодаря чему калмыцкий народ выжил в Сибири, особенно в первые годы ссылки (1943–1957 гг.). Об этом свидетельствуют воспоминания переживших депортацию и ссылку людей, в том числе писателей, отразивших эту тему в своем творчестве.

К теме сибирского картофеля в аспекте народной трагедии обратились как поэты старшего поколения, свидетели тех лет, так и поэты младшего поколения, рожденные после ссылки. Это, с одной стороны, Тимофей Бембеев — «Боднцгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990), Лиджи Инджиев — «Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994), Егор Буджалов — «1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года», 1998), Эрнест Тепкенкиев — «Түрүн иньгм — боднцг» («Мой первый друг — картошка», 2007), с другой — Эр-

дни Эльдышев — «Көрэ бодницт» («Мерзлой картошке», 1991), Раиса Шурганова — «Мукүүкн» («Мукукен», 2013).

В русскоязычной калмыцкой поэзии Жангр Насунов (Виктор Иванович Насунов, 1942–1979), младенцем оказавшийся вместе с семьей в сибирской ссылке, написал стихотворение «Картошка» (1966), а Римма Ханинова (г. р. 1955), родившаяся в Алтайском крае в канун возвращения из ссылки, отозвалась стихотворением «Плач по мерзлой картошке» (2023), в год 80-летия депортации народа. На калмыцкий язык оно переведено народным поэтом Республики Калмыкия Эрдни Антоновичем Эльдышевым.

Часть этих репрезентативных произведений в заглавии имеет жанровое обозначение, важное для авторов, поскольку эти жанры — гимн, слово, плач — акцентируют содержание и форму текстов, трансформируя фольклорную традицию.

«Бодницгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990) Тимофей Бембева

Одним из первых Народный писатель Республики Калмыкия Тимофей Отельданович Бембеев (1930–2003) воздал должное сибирской еде в стихотворении, созданном в жанре гимна, «Бодницгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990). *Бодницг* по-калмыцки — ‘картофель’, *частр* — ‘гимн’ [КРС 1977: 103, 646].

«Гимн (от греч. *hymnos* ‘хвала’) — торжественная песнь на стихи программного характера» [Шкаренков 2008: 45]. Гимнические хвалебные произведения, адресованные божествам, героям, историческим событиям, характерны и для фольклора, литературных памятников монголоязычных народов. «У калмыков же, как гласят предания, прежде существовали „частр дун“ — песни историко-религиозные, которые составляли цикл „Гимн ойратов“ („Өөрднн частр“), в настоящее время уже полузабытый» [Бадмаев 1984: 21].

Интересен авторский выбор жанра в стихотворениях о еде периода сибирской ссылки у калмыцких поэтов, обращенных к теме выживания народа в непривычных и суровых условиях существования.

Бембин Тимофей

Боднигин туск частр

Махн, захсн, өдмг
Магталд орхл зөвтә.
Элвг болтха, чидмг
Эдлвр ямр кергтә?..

Болв мини келхм,
Болһатн, бичә адһтн,
Өөрнһ теднлә тәвхм —
Өвәрц биш, соңстн:

Бодниг гидг хотас
Бодтань нанд уга!
Ховр, сенр хамгас
Хол дутнн уга!

Булсн, шарсн, чансн —
Буйнтал бәәсн лавта.
Кедү әм аврсн —
Кен хальмг мартва?..

Харалта дәәнә уришгар
Хальмг таңһчм каарад,
Халта Сиврин туршар
Хальмгуд бииснһ
даарад,

Эк-эцкәсн ханһжс,
Эңкр теегәсн холд
Өлсч, түржс, харһнжс,
Өширжс, чилжс йовхд,

Бодниг, чамас ахлсн
Бодтань уга билә.
Булсн, шарсн, чансн —
Буйнтал хот билә!..

Жилмүд давад, оңдан
Жирһл иржс, ясрад,
Тенжс, түржс йовсан
Теегин хальмг мартад,

Әдл зөвтә, хөвтә,
Әмтнлә тегш йослвчн,
Тав уух, идхтә,
Таварн бәәжс цорхавчн,

Боднигин ач-тусиг
Болһажс, бичә марттн.
Үүрмг, көлдсн болвчн,
Үкләс гетлгснһ сантн!

Элст, 16.XI.1990 ж.
[Бембин Т. 1992: 3].

Автор обозначил место и дату написания — Элст, 16.XI.1990 ж. (Элиста, 16.XI.1990 г.), подчеркивая тем самым возможность писать на запрещенные ранее темы, подтверждая в том числе собственное спасение-возвращение на родину. Тринадцатилетним подростком он был сослан в Омскую область Сибири в 1943 г. Несмотря на то, что жанры восхваления (*магтал*), благопожелания

(*йорал*) произносятся речитативом, все же поэт избрал жанр торжественного песнопения — гимн (*частр*). У него в пищевом ряду главенствуют мясо, рыба, хлеб, достойные восхваления: *Махн, захсн, өдмг / Магталд орхл зөвтэ* [Бембин Т. 1992: 3]. Упоминание рыбы связано с родиной автора, родившегося у Каспийского моря. Теперь пришел черед величания картофеля. *Бодницг гидг хотас / Бодтань нанд уга! / Ховр, сенр хамгас / Хол дүти уга!* ‘Для меня, действительно, нет лучше еды, чем картофель. Из всего редкого и интересного нет ничего питательнее его’. (Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.) [Бембин Т. 1992: 3]. Использование эпитетов *ховр* ‘редкий’, *сенр* ‘интересный, любопытный’ указывает, что ранее калмыки, не занимавшиеся овощеводством, мало были знакомы с этим продуктом, как в конце XVII в. русские люди с заморской диковинкой из Нидерландов, а в середине XVIII в. повторно завезенной уже из Пруссии: крестьяне отказывались сажать «земляные яблоки», «чертову силу», устраивали «картофельные бунты», предпочитая репу и редьку.

Заслугу картофеля калмыцкий поэт видит в том, что тот спас народ от голодной смерти: *Кеду ам аврсн — / Кен хальмг мартва?..* ‘Сколько жизней спас — какой калмык забудет?..’ [Бембин Т. 1992: 3]. *Харалта дээнэ уршгар / Хальмг таңһчм каарад, / Халта Сиврин туршар / Хальмгуд бишнь / даарад, / Эк-эцкэсн хаһцж, / Эңкр теегэсн холд / Өлсч, түржэ, харһнж* ‘Из-за проклятой войны мою Калмыцкую республику ликвидировали, в суровой Сибири калмыки, замерзая, разлучаясь с родителями, вдалеке от любимой степи голодали, бедствовали’ [Бембин Т. 1992: 3]. Исторические ссылки на проклятую войну, на ликвидацию Калмыцкой АССР, на репрессии автор в контексте увязал с тогдашним государственным обвинением калмыков в предательстве, сотрудничестве их с немецкими фашистами, с позднейшей политической реабилитацией несправедливо сосланного народа. Эпитет в определении войны как проклятой включает в текст элемент фольклорного жанра — проклятия (*харал*).

Одним из конструирующих принципов гимнического жанра является обращение. У Т. Бембеева это и постоянное латентное

обращение к читателям. Это и конкретное обращение к пище: *Боднцг, чамас ахлсн, / Бодтань уга билэ. / Булсн, шарсн, чансн — / Буйнтал хот билэ!..* ‘Картофель — главное тебя не было еды. Запеченная, жареная, вареная — благодетельная еда была!’ [Бембин Т. 1992: 3]. Дважды повторенное определение *буйнтал* ‘благодетельная’ характеризует пищу и в религиозном ракурсе (*буйнч* ‘благодетель’ [КРС 1977: 117]), присущем для данного жанра. Перечисление разных видов приготовления картофеля подтверждают освоение степняками новой пищи, ставшей теперь привычной.

Поэт, предостерегая современников-земляков от забвения, напомнил: *Боднцгин ач-тусиг / Болһаж, бичэ марттн. / Үүрмг, көлдсн болвчн, / Үклэс гетлгсинь сантн!* ‘Пользу картофеля не забывайте. Хоть был мелким и мерзлым, помните, что спас от смерти!’ [Бембин Т. 1992: 3]. Казалось бы, снижение славословия: мелкий, мерзлый картофель. Но и в этой реалистической детали — исторические факты, которые манифестируют в своих произведениях и другие калмыцкие поэты. Эмоциональность данного стихотворения поддерживается также частыми риторическими фигурами, прежде всего восклицаниями.

Гимн Т. Бембеева — это и личная память, и наказ потомкам: знать уроки прошлого, историю репрессированных народов, ценить старшие поколения, сохранившие родной язык, культуру, верования, обычаи, честь и достоинство, несмотря на все испытания и невзгоды. Трансформация калмыцким поэтом гимнического жанра свидетельствует о попытке совместить историю и современность с автобиографическим дискурсом, пафос — с будничной действительностью, славословие — с поучением.

Перевод на русский язык, осуществленный самим автором, опубликован позднее в его посмертной поэтической книге «На уровне сердца» в 2005 г. [Бембеев 2005: 36–37]. Неудачный перевод значительно разнится с оригиналом, во многом не совпадая по содержанию и форме, стихотворному размеру и ритму. Так, поэт в названии использовал разговорное «картошка», столкнув, таким образом, высокий стиль и просторечие: «Гимн картошке». Просторечные выражения встречаются и в самом тексте, например: «не

гоже» (не следует), «тужить» (горевать), «катышка» (катыш — маленький круглый комок, скатанный из чего-нибудь мягкого), «потреба» (потребность). Подобные стилиевые несовпадения есть в вербальных формулах: «Когда беззакония порок / Калмыкию растоптал, / А нас самих, как горох, / По всей Сибири раскидал...», «Давно позабыты, как бред, / Те страданья поры лихой», «Есть и выпить, и закусить» и др.

Ср. авторский перевод «Гимн картошке»: «Без чая, мяса и хлеба / Тяжело ведь калмыкам прожить. / Пусть вдоволь будет потреба — / Какой еще недостаток просить? // Однако не спешите, друзья, / На смех меня поднимать, / Если скажу: нам нельзя / Картошку забвенью предать. // Когда беззакония порок / Калмыкию растоптал, / А нас самих, как горох, / По всей Сибири раскидал... // Тосковали по степи родимой, / В снегах дрожали от холода, / Посреди глухомани таежной / Столько погибло от голода! // Картошка и хлебом, и мясом была, / Не было еды вкусней: / Вареная, жареная, печеная — / Что могло сравниться с ней? // Прошли года, десятки лет, / И жизнь стала совсем иной. / Давно позабыты, как бред, / Те страданья поры лихой. // И правами никто не обделен, / Каждый по достоинству возведен. / Есть и выпить, и закусить, / Чего же нам еще тужить? // Но нам, калмыкам, не гоже / Не воздавать должное картошке, / Ей, / Мелкой, мороженой катышке — / Мы жизнью обязаны своей!» [Бембеев 2005: 36–37].

«Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994) Лиджи Инджиева

В ином жанре создано стихотворение Народного поэта Калмыцкой АССР Лиджи Очировича Инджиева (1913–1995) «Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994), опубликованное в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») [Инжин Л. 1994: 5]. Позже оно без изменений вошло в его посмертный сборник стихотворений и переводов «Санан» («Размышления») в 2005 г. [Инжин Л. 2005: 46–47].

Текст не был переведен на русский язык.

Бодниггин туск үг

*Хальмгүд Сиврт харһнэсахдан
Бодниггин чинр медицхэлэ.
Харһнлһнас эмд үлдцхэснь
Боднигт ханлт өргцхэнэ.*

*Түрү цагтан терүг
Үснд чанэж эдллэвидн.
Түрлһн невчк айдахла,
Үснд нүддг боллавидн.*

*Тенд бидн эврэн
Терүг урһадг даславидн.
Бодниггин алдр чинриг
Бидн мартэж чадишговидн.*

*Харһнлһн тоньлсна хөөн
Хорһнд терүг хуурлавидн.
Манахс ода терүгэр
Мах хатьлдг болвидн.*

*Бодниггин туслмэжиг мартхла,
Буру кемэц болх.
Бидн кемр тиигхлэ,
Бурхн чигн цухлх.*

*Эн урһмлын күчиг
Эртэр эс медсндэн
Хальмг улс эндрчн
Харм төрэж һундрхна.*

*Тегэд хальмгүд ода
Бодниг тэрэж урһацхана.
Терүнэ эвртэ чидлинь
Батлэж манахс оошацхана.*

*Хальмгүд Сиврт харһнэсахдан
Бодниггин чинр медицхэлэ.
Харһнлһнас эмд үлдцхэснь
Боднигт ханлт өргцхэнэ.*

[Инэжин Л. 2005: 46–47].

«Слово» в первом значении — в Древней Руси «название произведения, относящегося к эпидиктическому (торжественному) красноречию», во втором значении — лексема, используемая в названии ряда древнерусских литературных памятников, «но не являющаяся жестко закрепленным жанровым определением (что можно допустить в случае со „Словом о полку Игореве“ и „Словом о гибели русской земли...“, которые исследователи относят к одному жанру), в основном употребляемая в жанрово-нейтральном значении „произведение“ или „сочинение“» [Гладкова 2001: 1002].

Үг — калмыцкая лексема, означающая: 1) слово, 2) речь, разговор, 3) изречение, афоризм [КРС 1977: 544–545]. В отношении

стихотворения Л. Инджиева можно сказать, что в нем совмещены два первых значения с доминантой первого из них. Во-первых, это слово в плане торжественного красноречия, воздающего хвалебную дань искомому объекту, во-вторых, это речь, обращенная к воображаемому читателю-современнику, о прошлом. Неслучайно автор использовал лексему *үг*, а не *күүндөр* (1. разговор, беседа, 2. переговоры, 3. интервью) [КРС 1977: 330].

Исследователи фольклора и литературы монголоязычных народов считали, что *үг* «возник в далекой древности, когда не было письменности и люди запоминали слышанное наизусть. С появлением письменности „үг“ не исчез, его традиция сохранялась, существовали „үг“ и об этом и о том» [Герасимович 2006: 213–214].

Л. Инджиев сразу связывает полюса жизни и смерти посредством картофеля: *Хальмгуд Сиврт харһнжэхдан / Боднигин чинр медүхэлэ* ‘Когда калмыки голодали в Сибири, тогда они узнали значение картофеля’ [Инжин Л. 2005: 46]. Поэтому уцелевшие после голода воздают благодарность картофелю: *Харһнлһнас эмд үлдүхэснь / Боднигт ханлт өргүхэнэ* [Инжин Л. 2005: 46]. Такое обобщение (от имени народа) носит и личностный, автобиографический, характер: участник Великой Отечественной войны, демобилизованный из Советской Армии по национальному признаку, разделил с народом тяготы сибирской ссылки в Алтайском крае. Категория времени в тексте латентно указывает на длительность пребывания калмыков в ссылке: за это время степняки сами научились выращивать корнеплод: *Тенд бидн эврэн / Терүг урһадг даславидн* [Инжин Л. 2005: 46]. В этой же строфе вновь повторяется местоимение *бидн* ‘мы’: *Боднигин алдр чинриг / Бидн мартэж чадшговидн* ‘Мы никогда не сможем забыть великое значение картофеля’ [Инжин Л. 2005: 46]. Автор предупреждает о том, что если забудем такую помощь, то будем неправы. Если так поступим, то даже бог отступится от нас: *Бидн кемр тишгэлэ, / Бурхн чигн цүхлдх* [Инжин Л. 2005: 46]. Упоминание божества (*бурхн*) в таком смысловом ряду актуализирует спасительную функцию пищи. Продолжая свою речь, поэт вновь сближает временную дистанцию (тогда — теперь, прошлое — современность): *Тегэд хальмгуд ода /*

Бодниц тэржэ урһацхана ‘Поэтому калмыки теперь картофель, сажая, выращивают’ [Инжин Л. 2005: 46]. Таким образом, подчеркивает автор, закрепляя значимую силу картофеля, наши уделяют ему много внимания: *Терунэ эвртэ чидлин / Батлжэ манахс оошацхана* [Инжин Л. 2005: 46]. Притяжательное местоимение-прилагательное *наши* ‘манахс’ находится в одном ряду с личным местоимением множественного числа *бидн* ‘мы’, подразумевается «свои» — «другие». На градацию в изменении условий существования в Сибири указывают в тексте способы приготовления пищи: вначале картошка, сваренная в воде, затем толченая с молоком, наконец, жаренная на жире. Теперь же картофель становится гарниром для мяса. Такая перемена — от основного блюда к дополнению — передает косвенным образом модель питания в ссылке и в родном краю при возвращении. Воздавая должное этой пище, поэт обобщает сказанное: *Эн урһмын күчиг / Эртэр эс медсндэн, / Хальмг улс эндрчн / Харм тэржэ һундрхна* ‘О том, что раньше не знали о силе такого растения, калмыки до сих пор сожалеют’ [Инжин Л. 2005: 46]. Кольцевая композиция (повтор первого катрена) закрепляет основную тему стихотворения по законам дидактики и риторики.

«1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года», 1998) Егора Буджалова

В одном из интервью Народный поэт Республики Калмыкия Егор Андреевич Буджалов (1929–2009), депортированный в возрасте 14 лет в Красноярский край, сказал, что особенно тяжелыми были первые зимние месяцы 1944 г., когда умирали от голода и недоедания прежде всего дети и старики в соседних семьях. «Даже сейчас, шесть десятилетий спустя, как будто это было вчера, я помню, как наша мама делит единственный кусочек хлеба и картофелину между братиком и мной. А когда я спрашивал, ела ли она сама, она отвечала, что кушать не хочет. <...> После войны мы уже могли свободно ходить на базар, украдкой могли сходить в соседнее село, выменять каких-нибудь продуктов, в основном картошку. Основной нашей пищей был картофель. Это второй хлеб. Только за счет него мы и жили. Мяса мы не видели, вплоть

до 1950-х гг., ели картошку, брюкву, капусту, свеклу» (цит. по: [Гучинова 2019: 250–251, 260]).

Стихотворение Е. Буджалава о сибирском картофеле под названием «1944 жилин хаврар...» («Весной 1944 года...») впервые появилось в газете «Хальмг үнн» 8 декабря 1998 г. [Буджала Е. 1998: 1]. Под несколько измененным названием «1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года») вошло в авторскую книгу 2008 г., в целом текст остался прежним за исключением одной строки (вместо *Өрэ, эрэ герлтнэ* ‘Чуть-чуть светло’ — *Өрэ эрэ герлтнэ* ‘Комната едва освещена’).

Буджала Егор

1944-гч жилин хавр

Тежэл некэж дүүнрм

Теслтэн барэж уульдм.

«Басң, арһлыч», — гисэр

Баава нанур эргдм.

Хамхрха иштэ күрзэн,

Хаһрха суулһан авдув.

Хайг олж авхар,

Хальмгудан дахад һардув.

Күцц хээлэд уга

Көрэ һазр чавчдув.

Киштнэс харлад үмисн

Көрэ боднцг олдув.

Хээсэр амрар олдхи,

Харадан һазр чичнэв.

Кемр харһсн цагт

Киштг тоолэж байснав.

Будта киштн өдр

Буйсхдан өөрдэд ирдм.

Хайг олсн хальмгуд

Хөвтэ, байрта хэрдм.

Би бас байртав.

Бичкн дүүнрм цадх.

Халун цө деерэс

Хар боднцг шүүрлдх...

Бешин өөр күрзм,

Буурха суулһм зогсчана,

Хар өрлэ босч

Хайгт йовхим медэжэнэ.

Хааһул уга терзэр

Харһу сө шаһана,

Үүдн уга бешэс

Өрэ эрэ герлтнэ.

Даарсн, цуцрсн цогцм

Девскр деер амрна,

Халун цө деер

Харлэж, зүркм шаргдна.

[Буджала Е. 2008: 381–382].

Воспоминания сурового детства нашли отражение в стихотворении о том, как калмыки выживали в первый год на чужбине. Несмотря на то, что в его названии нет ключевого слова *бодниц* ‘картофель’, как у других калмыцких поэтов, основная тема связана с поиском и добыванием вместе с земляками мерзлых корнеплодов в поле. Сюжет произведения воссоздает один из весенних дней калмыцкой семьи, когда плакал от голода младший братишка, а мать просительно оборачивалась к старшему сыну, как бы говоря: «Помоги, Басанг». Повествование ведется от первого лица, подростка Басанга, молча берущего лопату со сломанным черенком, дырявое ведро и идущего вслед за земляками. Подробно описан тяжелый труд, когда земля еще не оттаяла, но надо ее копать, найти почерневшую от холода, испорченную, мерзлую картошку: *Күцц хээлэд уга / Көрэ һазр чавчдув. / Киитнэс харлад үмисн / Көрэ бодниц олдув* [Буджала Е. 2008: 381]. Рефрен мерзлоты почвы и оставшихся в ней корнеплодов поддерживается определениями, характеризующими непригодность картошки для пищи. Поиск ее нелегок, много земли приходится перекопать впустую. *Кемр харһсн цагт / Киитгт тоолжс байснав* ‘Когда же попадается [картошка], почитаю за счастье, радуюсь’ [Буджала Е. 2008: 381]. Подходит к концу туманный холодный день, нашедшие отбросы (*хайг* ‘утиль, отбросы, очистки’ [КРС 1977: 568]) калмыки радостно возвращаются с поля. *Би бас байртав. / Бичкн дүүнрм цадх. / Халун цө деерэс / Хар бодниц шүүрлдх...* ‘Я тоже рад. Мой младший братишка наестся. С горячей плиты черную картошку будет хватать...’ [Буджала Е. 2008: 381]. Описание лопаты и дырявого ведра у печи переходит в прием олицетворения: вещи знают, что спозаранку отправятся собирать отбросы. Отсутствие занавесок на окне, в которое заглядывает черная ночь, отсутствие дверцы в печи, откуда слабый свет в комнате, рефрен разбитой лопаты и дырявого ведра, бросовой картошки, холода — все это воссоздает картину нищеты, голода спецпереселенцев. В заключительном четверостишии возникает пронзительный метафорический образ страданий подростка. *Даарсн, цуирсн цоцм / Девскр деер амрна, / Халун цө деер / Харлжс, зүркм шаргдна* ‘Продрогшее, усталое мое

тело отдыхает в постели. На горячей плите, чернея, мое сердце поджаривается? [Буджала Е. 2008: 382].

Ср. в нашем переводе: «Весна 1944 года.

Плачет надрывно братишка: / Голоден он, нет еды. / Плачет подолгу, все тише... / Что можем сделать все мы?.. / Мама ко мне повернулась, / Молча сказала: «Иди...». / Я понял, поднялся, сутулясь / От холода. «Сын, помоги». / Я в сенях нашарил лопату, / Хоть треснут ее черенок, / Ведро захватил я из хаты, / Дырявое. Ну так что ж... / Пошел за калмыками в поле / Картошку там поискать — / Землю долбить надо ломом, / Иначе ее не достать. // Лопатой тыкаюсь в почву — / Промерзла она насквозь. / Черные клубни, как ночи, / Найду как-нибудь авось. / Сразу ее не видно, / Копаю лопатой — все зря, / Даже порой обидно, / Где же картошка моя? / Зато, наконец, отрою, / Счастью предела нет. / И я все рою и рою — / Будет что на обед. // День холодный, туманный, / Ближится он к концу. / Иду я усталый к маме, / Ведро картошки несущу. / Я радостный, как те калмыки, / Братишка насытится всласть. / С плиты будет он, горемыка, / Горячие клубни хватать... // У печки лопата ютится, / Дырявое рядом ведро, / Им завтра с утра торопиться / На поле то — знают давно. // В окошко без занавески / Глядит, не скрываясь, ночь: / Из печки нашей без дверцы / Светит огонь ей помочь. // Тело мое на кровати / Теплеет, уже не дрожит. / А на печи горячей / Сердце мое горит» [Буджалов 2023].

«Түрүн иньгм — бодницг» («Мой первый друг — картофель», 2007) Эрнеста Тепкенкиева

Эрнест Иванович Тепкенкиев (1931–2017), в двенадцать лет депортированный вместе с родными, с тринадцати лет трудился на лесных разработках в Томской области. Его стихотворение имеет необычное название «Түрүн иньгм — бодницг» («Мой первый друг — картофель»): тогда первым другом для подростка стал корнеплод. Такое первенство для автора определяется тем местом, которое картофель занял в его жизни на чужбине, а затем на родине.

Эрнест Тепкенкиев

Түрүн иньгм — бодницг

Шарад, булад иддг
Шар, оошк бодницг.
Чидл күүнд өгдг
Чинрнь иктә бодницг.

Көрсн, илжрсн бодницгас
Көгэжин үнр харла.
Көйәһим дүүргсн целвгүд
Көөр, сергмж урһала.

Чанх юм хээхлә,
Чавас, түрүнкнь — бодницг.
Нүдәд бийинь идхлә,
Нүдим таалсн бодницг.

Өлссн, түрсн цагла
Олн хальмгүдт тусслагч.
Чамаһан уга болхла,
Чавас, иньгм, сангднач!

Әмдрл мини утдулсн
Әвртә хот—бодницг.
Үкләс бийим гетлүлсн,
Үснд нүддг бодницг.

Бодницг мөңкинд бәәтхә,
Болһмжән әмтнд өгтхә!
Эн — жирһлин түлг,
Эңкр хотдын булг!

Халун өдмг сольсн,
Хәәртә эдлвр — бодницг.
Хальмгиг үкләс гетлүлсн,
Хәәмнь, көөрк бодницг.

Дәәнә уйн цагт,
Дәрк, бодницг туссла.
Хот-хол хатярт
«Хойрдгч өдмг» дөңнлә.

Сиврин киит даалһсн
Сишвр күчтә урһц.
Түрүд бийим дөңнсн
Түрүн иньгм — бодницг.

Энүнә тусинь мартхшив,
Эңкрлж неринь келнәв.
Өдмг уга болхла,
Оньдин бодницг эдлнәв.

Шар бодницган идәд,
Шар харһа тәәрләв.
Күүнә эәмд күрәд,
Күчән һарһж көдлләв.

Неринь өөдән бәрнәв,
Нөөртән зәрмдән үзнәв.
Иньг мини — бодницг,
Ижлдсн, дассн хот.

[Тепкенкиев 2007: 84–85].

Помимо названия, ключевое слово «бодницг» в тексте повторяется пятнадцать раз. В первых трех катренах при этом используется перекрестная рифма-рефрен. В каждой строфе, за исключе-

нием одной, седьмой, упоминается слово «картофель» преимущественно в именительном падеже. В седьмой же строфе дана замена именования корнеплода притяжательным местоимением *тебя* ‘чамаһан’ обращением *мой друг* ‘иньгм’.

В каждой строфе поэт воспевает главный объект своего произведения. Здесь уместно при переводе назвать корнеплод просторечным *картошка*, поскольку воспоминание относится прежде всего к детству, к своему другу. Отсюда такие эпитеты: *нудим таалсн бодниц* ‘картошка, приятная моим глазам’, *эвртэ бодниц* ‘отличная картошка’, *хээртэ бодниц* ‘любимая картошка’, *көөрк бодниц* ‘бедная картошка’, *шар бодниц* ‘золотистая картошка’. С дистанции времени следует характеристика: *чинрнь иктэ бодниц* ‘картошка, имеющая большое значение’, *чидл өгдг бодниц* ‘картошка, дающая силы’, *дөңсн бодниц* ‘картошка, которая помогла’.

Маркером сибирской пищи становится определение *мерзлого* картофеля — ‘көрсн’. Как и другие калмыцкие поэты, автор перечисляет разные способы его приготовления: *шарад иддг* ‘жарить’, *булад иддг* ‘запекать’, *чанх* ‘варить’, *нүдэд идх* ‘толченая’, *үснд нүддг* ‘толченая с молоком’. Он сразу актуализирует первенство картофеля в еде ссыльных калмыков: *Чанх юм хээхлэ, / Чавас, түрүнкнь — бодниц* ‘Когда ищешь, что сварить, ох, первым делом — картошка’ [Тепкенкиев 2007: 84]. Междоветие *чавас* выражает жалость, сочувствие, сожаление, отчаяние [КРС 1977: 644]. Картошка как бы разделяет судьбу репрессированных народов, спасая их от смерти, отсюда такие ее определения: *Хээмнь, көөрк бодниц* ‘Милая, бедная картошка’ [Тепкенкиев 2007: 84]. *Хээмнь* в первом значении: ‘милый, любимый’, во втором переносном значении: ‘бедный, жалкий’, *көөрк*: 1. бедняга, 2. вызывающий жалость, достойный сожаления [КРС 1977: 586, 318]. Это, по сути, любовь-жалость. Поэт также заслугу картофеля видит в том, что тот спас калмыков от смерти (*Хальмгиг үклэс гетлүлсн*), в том числе и его, подростка (*Өмдрл мини утдулсн, букв.* ‘продлил мою жизнь’), помог ему вырасти (*Күүнэ ээмд күрэд, букв.* ‘достав до плеч человека’), способствуя в труде. Несмотря на то, что картошка была и мерзлой, и заплесневелой, она спасла в голодное время

нужды (*Өлссн, түрсн цагла*), радовала своими жареными лепешками. Во время войны, когда автор был молод, она помогла ему. Здесь междометие *дэрк* 'о, боже' выполняет функцию обращения к буддийскому божеству — Зеленой Таре («*Нoһан Дэрк Гегэн*»), хранительнице семейного благополучия. При скудной пище картошка стала для поэта вторым хлебом (*хойрдгч өдмг*), актуализирована русская поговорка «Картофель — второй хлеб». Когда нет хлеба, едят картошку. Эту подмогу лирический субъект никогда не забудет, с любовью повторяя имя корнеплода, который иногда ему снится (*Нөөртэн зармдэн үзнэв*). Поэтому картошка по-прежнему его друг, привычная уже еда.

Фольклорная традиция благопожелания *йөрэл* явлена не в завершении, а в середине текста: *Бодницг мөңкинд бээтхэ, / Болһмжсан амтнд өгтхэ! / Эн —жирһлин тулг, / Эңкр хотдын булг!* 'Пусть картошка будет вечно, пусть люди всегда ее используют! Это опора жизни, основа любимой еды!' [[Тепкенкиев 2007: 85](#)].

В русском переводе В. Н. Лиджиевой «Картошка» название стихотворения претерпело изменение: из ранга друзей картофель перешел в ранг пищи, чем, на наш взгляд, снизилась авторская интенция величания-восхваления, изначально заложенная в семантике дружества. Сорок восемь строк двенадцати четверостиший сократились до двадцати восьми строк единого текста. По содержанию перевод также беднее оригинала, не передавая авторской интонации, неточен в отдельных деталях.

Ср. «В горячей золе печется, / Румянится на плите... / Картошка хлебом зовется. / Но главное не в еде, / А в том, что на этом свете / Важнее продукта нет... / В голодные годы от смерти / Спасла она целый свет. / И хоть на воде варилась, / Была она так вкусна... / Картошка хлеб заменила, / Когда случилась война. / Опять же она — картошка — / Калмыков в Сибири спасла. / Картофельные лепешки — / Я помню — мне мать пекла. / На поле мерзлые клубни / Выкапывал я по весне. / Я помню, я помню, как трудно / Жилось на чужбине мне. / Картошка, тебя я славлю / За чудный запах и вкус... / Пусть это покажется странным, / Но издревле держится Русь / На этой румяной картошке, / На этом

хлебе втором... / Картофельные лепешки / Всегда на столе моем»
[Тепкенкиев 2007: 41].

«Көрә бодницт» («Мерзлой картошке», 1991) Эрдни Эльдышева

На странице журнала «Теегин герл» в 1991 г. было напечатано стихотворение тридцатидвухлетнего Эрдни Антоновича Эльдышева (г. р. 1959) «Көрә бодницт» («Мерзлой картошке»). В названии также есть адресат, придающий произведению жанровый план послания.

В отличие от других поэтов Э. Эльдышев не привносит автобиографический компонент, поскольку не имел личного опыта выживания в сибирской ссылке, но, тем не менее, биографический элемент присутствует на уровне семейной памяти.

*Эльдшә Эрднә
Көрә бодницт*

*Хальмг домгт төөнрсн
Харлсн көрә бодницг,
Халун зүркнәсн чамд
Ханлтан би өргнәв.*

*Хальмгудт әм залһсн
Хәәртә нилчичн соңсхлам:*

*Даарч, өлсч йовсн
Дөөгләдсн әмтән саннав.
Хәәртә элгн улсан
Хәәһәд, нердинь сергәнәв.*

*Халун нульмста эәжм,
Хәәмнь, чамаг малтла.*

*«Үрңкә болвчн, бодницг
Үкләс гетлгх», — гилә...*

*Эәжм терүгән келхлә.
Эгзңнәж дунь чичрнә.*

*Хар санатлын зовасн
Харалта цаг сангдна:*

*«Көрә бодницгин амтынь
Кезә чигн мартишгов.
Үкләс намаг гетлгсн
Үүнә нилчинь мартишгов».*

[Эльдшә Э. 1991: 84].

Стихотворение, состоящее из двадцати двух строк, включает пять катренов и одно двустишие. Такая структура определена тем,

что после авторского вступления основное слово передается старой женщине, бабушке поэта, через прямую речь.

В первых строках звучит обращение к героине стихотворения: *Хальмг домгт төөнрсн / Харлсн көрэ бодницг, / Халун зуркнэсн чамд / Ханлтан би өргнэв* ‘Запечатленная в калмыцких легендах почерневшая, мерзлая картошка, от горячего сердца воздаю тебе благодарность’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Эпитеты, передающие реалии суровой поры сибирской ссылки (*Харлсн көрэ бодницг* ‘Почерневшая, мерзлая картошка’), на первый взгляд, в семантическом дискурсе являют контраст со словами благодарности. Вторая строфа-двустипшие поясняет смысл сказанного: *Хальмгудт ам залһсн / Хээртэ нилчичн соңсхлам* ‘Я слышал о твоей благотворительной пользе — калмыкам жизнь сохранила’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Если Т. Бембеев использовал религиозное определение *буйнтал* ‘благотворительная’, то Э. Эльдышев — прилагательное *хээртэ*, образованное от существительного *хээр* в значении ‘милость, благотворитель’ [КРС 1977: 587]. Эта конкретизация (слышал) поддерживается рассказом бабушки о пережитом. *Халун нульмста ээжм, / Хээмнь, чамаг малтла. / «Үрцкэ болвчн, бодницг / Үклэс гетлгх», — гилэ...* ‘Моя бабушка, бедная, с горячими слезами выкапывала тебя. «Хоть и испорченная, картошка от смерти спасет», — говорила...’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. И когда она рассказывала о том проклятом времени (*харалта цаг*), ее голос дрожал: *Ээжм терүгэн келхлэ. / Эгзңнэж дунь чичрнэ* [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Старая женщина говорила: *Көрэ бодницгин амтынь / Кезэ чигн мартшигов. / Үклэс намаг гетлгсн / Үүнэ нилчинь мартшигов* ‘Вкус мерзлой картошки никогда не забуду. От смерти меня спасла, пользы ее не забуду’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Рефрен личной памяти (дважды повторенное *мартшигов* — ‘не забуду’) передает опосредованно мотив коллективной памяти о сибирской ссылке. *Харлсн көрэ бодницг* ‘почерневшая, мерзлая картошка’, *үрцкэ бодницг* ‘испорченная картошка’ — ключевые маркеры в тексте. Здесь нет, как у Т. Бембеева, Л. Инджиева, Э. Тепкенкиева, перечисления блюд из картофеля, все внимание уделено жесткой необходимости выживания при употреблении негодной в иное время пищи.

В переводе Л. Петровой название «Мерзлой картошке» сохранено, текст дан без строфики, с увеличением на три строки. Здесь, как и в переводе В. Лиджиевой, есть неточности, отступления от первоисточника. Прямолинейность («когда палач народов их душил», сравнения с судьбой ссыльного, с памятью о родной земле), неудачное противопоставление с помощью метафоры (суровая народная беда глазами бабушки), тогда как переживания старого человека переданы через упоминание дрожащего голоса; обращение к Богу при упоминании, что такой гнилой картошкой теперь не кормят и свиней; нет авторской детали (горючие слезы как следствие отчаяния, сожаления, бессилия), есть взамен иная (скрюченные пальцы). Трагический лаконизм авторского высказывания заменен переводчиком и в утверждении («А я хочу сказать высоким слогом»), которого нет в тексте. Ср. «Картошка, что сгнила наполовину, / Спасением дымилась на столе — / Черным-черна, как ссыльного судьбина, / Сладка, как память о родной земле. / Картошка из-под снега... Слава Богу, / Не кормят нынче ею и свиней. / А я хочу сказать высоким слогом / О той картошке... Именно о ней. / Я имена родных перебираю, / Что ссыльными остались навсегда, / И мне в лицо сурово, не мигая, / Тогда глядит народная беда / Глазами моей бабушки... / Бывало, / Чтобы чужбина всех не погребла, / Она руками землю ковыряла / И скрюченными пальцами гребла. / Мерзла картошка, но поддержит силы, / Ей благодарны были от души, / Когда калмыков голодом косило, / Когда палач народов их душил. / Жива в легендах и в стихах воспета — / О прошлом память мой народ хранит. / „Мне вкус не позабыть картошки этой“, — / Волнуясь, моя бабушка твердит» [[Эльдышев 1996: 30](#)].

«Мукуүкн» («Мукукен», 2013) Раисы Шургановой

Стихотворение «Мукуүкн» («Мукукен», 2013) Раисы Басановны Шургановой (г. р. 1987) написано на основе воспоминаний своего отца, вместе с семьей ребенком проживавшего в сибирской ссылке в Новосибирской области. Из семи детей тогда выжил только он. Его память о младшей сестренке Мукукен (*калм.* Мукуүкн, ‘плохая девочка’), которую не спас оберег имени, визуализирована в стихотворении с помощью приема сновидения.

Шуурһна Рауса

Мукуүкн

*Зүүсн зүүдндм өдр өнжэд,
Зүркм зовлцгта дүрэд хатхад,
Бичкн Мукуүкн ирнэ,
Бүшмүднь Сиврин цасар гилвкнэ.
Өлсэд бээвүч — хот хээхи,
Өөлсн болуч — өшдэһэн көөхи.
Килнц уга бичкндэн өңгрсн,
Киитн Сиврт эмэсн хаһцсн.*

*Бичкн Мукуүкн зүүдндм,
Бийм догднулад, седклм нашуурһна.
Көрсн бодниггар хувалцхар седнэ,
Кесг зовлцгин унгинь сергэнэ.
Зүүсн зүүдндм өдр өнжэд,
Зовлцтан даагдсн улс ирнэ.
Хувцнь Сиврин цасар гилвкнэ,
Хөөткэн сантн, — гижэ келжэнэ.*

[Шурганова 2013: 50].

Мотив мерзлой картошки в тексте связан с маленькой девочкой, делящейся едой со старшим братом. *Көрсн бодниггар хувалцхар седнэ* ‘Хочет поделиться мерзлой картошкой’ [Шурганова 2013: 50]. Ср. в рассказе «Бүлэн боднигг» («Теплая картошка», 2013) автор вспоминает теплую еду: сестренка встречается брата из школы вареной картошкой [Шуурһна Р. 2014: 80–82]. Речь в обоих произведениях идет о мерзлой картошке, из которой готовится кушанье.

В переводе В. Б. Чонгонова строки о девочке переданы по-своему, с добавлением избыточного сравнения: «И разделить со мною поровну пытаешься, / Как будто ценный дар, свою картошку мерзлую» [Шурганова 2013: 51].

«Картошка» (1966) Джангра Насунова

В русскоязычной калмыцкой поэзии тема картофеля в сибирской ссылке впервые раскрыта в 1966 г. Джангром Насуновым (1942–1979). «В первые годы ссылки калмыков спасала картошка, которую они покупали или обменивали у местных жителей на свои нехитрые пожитки. В день на семью из нескольких человек уходило два-три казанка картошки. Разумеется, не все имели возможность ее купить или обменивать. Многие шли на колхозное

поле и под снегом искали мерзлую картошку, что не успели осенью убрать. Порой клубни, скованные морозом, приходилось вырубать ломом. Именно об этом рассказывается в стихотворении «Картошка». Дети знали, что мерзлую картошку удобней всего испечь на горячей плите» [Церенов 2017: 15–16].

Джангр Насунов

Картошка

*Мир тосковал сильнее и сильнее
По тишине, по мирной суете.
Я ничего не пробовал вкуснее
Картошки, испеченной на плите.
Той, что росла сама собою в поле,
Что не успел, не смог убрать колхоз,
Что посадили все ж, но не пололи,
И вот с землей сковал ее мороз.
И разрубить ничем ее не в силах,
Бросаю клубень прямо на плиту.
Я не забуду, люди, до могилы
Пьянящий, чудный запах на версту.*

*Картошка — праздник в праздники и в будни —
Шершавая, как мамина ладонь.
Я не бросал в огонь ни разу клубни,
Чтоб не гасить чуть тлеющий огонь.
Она тверда, как пахаря мозоли.
Не убранная вовремя с полей,
Ее ломами вырубали в поле —
Я ничего не пробовал вкусней.*

1966

[Насунов 2017: 28].

Стихотворение Д. Насунова, написанное в период так называемой «оттепели», когда ослабили цензурные ограничения на запрещенные ранее темы, тем не менее латентно передает авторские

воспоминания о сибирском детстве в Новосибирской области. Первые строки в контексте отсылают к военной поре, к первым годам ссылки, о которых прямо не сказано. Мотивы мерзлой земли и мерзлой картошки, испеченной на горячей плите, перекликаются с теми же мотивами из стихотворения Е. Буджалова «Весна 1944 года», но без жестких деталей. И если у Е. Буджалова отсутствуют воспоминания о вкусе такой еды, то у Д. Насунова, позднее у Т. Бембеева, Л. Инджиева, Э. Тепкенкиева, Э. Эльдышева вкусовая категория доминирует, актуализируя смещение качественной характеристики пищи в условиях выживания. К осязательному (*шершавая, твердая картошка*) компоненту в тексте добавляется ольфакторный компонент — запах еды (*пьянящий, чудный*), ставшей праздником в праздник и в будни.

«Плач по мерзлой картошке» (2023) Риммы Ханиновой

«На протяжении всего традиционалистского периода существования и функционирования жанра тематика плача определяла его стилевую диапозон, и эта риторическая конвенция между ними обеспечивала сочинителю и потребителю произведения коммуникативное партнерство. По мере же постепенной «индивидуализации лирики» (Л. Гинзбург), в особенности в постклассицистическую эпоху, доминирующую ответственность за художественное единство плача берет на себя автор, тем самым иницируя содержательное разнообразие не только объекта, но и субъекта оплакивания как стилиобразующего фактора жанра» [[Иванюк 2015: 26](#)].

Римма Ханинова

Плач по мерзлой картошке

*Зима. Сибирь. Картошка мерзнет в поле,
Та, что осталась в мертвой борозде:
Она мелка, черна, тверда, но вволю
Собрать в ведро можно в декабре.*

*И детские ручонки торопливо
Таскают клубни, пачкая пальто,
И мерзнут пальцы даже в рукавицах —
Зато картошкой полнится ведро.*

*Как тяжело нести картошку с поля...
Как краток отдых... Как крепчал мороз!
Как будто ветру помогал он, что ли,
Детишек в снег валить — в большой сугроб.*

*Ну вот уже барак калмыцкий ближе.
Вот комната, ютится там семья.
Огонь дрова в печи так жадно лижет,
И так тепло сидится у огня!*

*Картошку чистят детские ручонки,
Из-под ножа струится кожура...
Стараются сестренки, две девчонки:
В обед — картошка так же, как вчера.*

*А за спиной отец стоит... С работы
Пришел он, ссыльный, бывший партизан.
Как на войне, и тут свои заботы.
Он плачет тихо, чтоб никто не знал...*

26.02.2023

Ханина Римма

Көрә бодницин туст эцслһн

*Увл. Сивр. Тәрәнә һазрт
Үлдсн бодницг хаһларт көрнә.
Үүрмг, хар, хату энүг
Увләр суулһд цуглулж болна.*

*Бичкн күүкдин һарнь шулуһар
Бодницин уңгинь әрвәлж зөөнә.*

*Беелэтэ болвчи, хурһднь даарна,
Болв суулһ боднцгар дүүрнэ.*

*Боднциг тэрэнэс зөөхд күчр,
Ахр амрһн...Кишн тачкина!
Бичкдиг цаснд унһахд салькнд
Азд кишн нөкд болна.*

*Хальмгудын муухн бээрн өөрднэ.
Хорад өрк-бүлнь хавчгдна.
Бешт һал өрвкжэ асна.
Бичкд һувчилдэд, духуцжэ амрна.*

*Күүкд боднциг чадмгар цеврлнэ,
Көрэ боднцгин хальсн унна.
Хойр дү күүкн чирмэлднэ:
Хэрү үдин хотнь — боднцг.*

*Арднь көдлмиэсн ирсн эцкнь...
Алдр партизан, туугдсн эн
Арһан, дээнд мет, хээнэ.
Аярһн, тагчгар эн уульһна.*

Орчулсь Эльдшэ Эрднь.

В фольклоре и письменных памятниках монголоязычных народов жанр плача (монг. *гашиудал*, калм. *эңслһн* [КРС 1977: 700]) входит как фрагмент в другие крупные жанры, а также функционирует в составе обрядовой погребальной поэзии [Борджанова 2007: 260–266; Герасимович 2006]. «Предполагалось, что плач был обязателен для человека, который должен преодолеть все препятствия: „Ууля, ууля бээжэ күн болдг“ — Плача становятся человеком» (курсив автора. — Р. Х.) [Борджанова 2007: 266].

Доминирующий пафос в «Плаче по мерзлой картошке» — трагический. Персонажным субъектом произведения стала мерзлая картошка. Как и стихотворение Е. Буджалова, «Плач...» также являет биографический семейный сюжет: две маленькие дочери,

отец. Рефрен плача, начиная с заглавия, продолжая плачем оттаившей в тепле картошки (*струится кожа*), заканчивая тихим мужским плачем бывшего партизанского командира, а ныне спецпоселенца, подтверждает функционально-семантический потенциал архетипичного жанра.

Заключение

«Пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов 2001: 10].

В этом плане, как замечено, «процессы приспособления всегда имеют двустороннюю направленность, почему в них можно различать собственно адаптацию (слово можно перевести как приспособливание, приноравливание) и адаптирование (прилаживание, переиначивание)» [Липинская 2001: 19].

Тема картофеля в сибирской ссылке (1943–1957) на примерах репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений являет особый дискурс личной и коллективной памяти народа о трагических страницах истории XX в. Традиционная модель питания претерпевает изменения в условиях выживания спецпереселенцев, вытесняя привычную пищу, особенно в первые годы на чужбине. Мотив мерзлого картофеля, добытого из мерзлой земли, превалирует в этих произведениях, становясь маркерами голода, холода, нищеты, бесправия. Мелкий, твердый, почерневший, испорченный корнеплод — рефрен в воспоминаниях, автобиографических и биографических, о том времени — спас жизнь старым и малым в военные и послевоенные годы. Жанровое своеобразие произведений, созданных как гимн, слово, плач, послание, проявилось в трансформации фольклорной традиции в калмыцкой поэзии о сибирской ссылке. Включение таких элементов, как *благопожелание* ‘йөрэл’, *гимн* ‘частр’, *слово* ‘үг’, *плач* ‘эңслһн’, *поучение* ‘сургаал’, *проклятие* ‘харал’, *сновидение* ‘зүүдн’, демонстрирует

также синтез жанров, характерных для фольклора и литературы монголоязычных народов. Монологические и сюжетные формы определяют содержательный аспект стихотворений, обращенных к современникам и потомкам, прямо или в контексте призывающих не забывать о трагическом прошлом народа. В некоторых произведениях упоминание божества *бурхн*, использование междометия *дарк* ‘о, боже’ манифестируют, с одной стороны, возможность говорить о верованиях, а с другой — подтверждают приверженность калмыков старшего поколения к буддизму, не утраченному и в ссылке. Колористика черного и белого в этих текстах, осязательный, обонятельный ракурс, ключевые концепты жизни и смерти, мороза и тепла, зимы и весны, света и темноты, еды и голода, радости и плача, своего и чужого — все это воссоздает общую картину размышлений и переживаний калмыцких поэтов как связанных с сибирской ссылкой, так и родившихся после нее. Не все произведения, созданные на родном языке, имеют русский перевод, передающий своеобразие оригинала. Из двух стихотворений, созданных русскоязычными авторами, на калмыцкий язык переведено лишь одно Э. А. Эльдышевым. Написанные в конце XX и в начале XXI вв. репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов свидетельствуют об исторической и личной памяти.

Источники

- Буджалов 2023 — *Буджалов Е.* Весна 1944 года / пер. Р. Ханиновой. Из личного архива.
- Ханина Р. 2023 — *Ханина Р.* Көрэ боднцгин туст энцлһн / пер. Э. Эльдышева. Из личного архива.
- Ханинова 2023 — *Ханинова Р.* Плач по мерзлой картошке. Из личного архива.

Литература

- Арутюнов 2001 — *Арутюнов С. А.* Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.
- Бадмаев 1984 — *Бадмаев А. В.* Калмыцкая дореволюционная литература. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2997. 592 с.
- Бембин Т. 1992 — *Бембин Т.* Боднцгин туск частр // Хальмг үнн. 1992. Хулһн сарин 20. X. 3.
- Бембеев 2005 — *Бембеев Т.* Гимн картошке // Бембеев Т. О. На уровне сердца. Стихи и поэма. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 36–37.
- Буджала Е. 1998 — *Буджала Е.* 1944 жилин хаврар... // Хальмг үнн. 1998. Бар сарин 8. X. 1.
- Буджала Е. 2008 — *Буджала Е.* 1944-гч жилин хавр // Буджала Е. Дурн делкэг залтха: шүлглж бичсн түүк, поэмс, шүлгүд. Элст: Барин гер «Герл», 2008. X. 381–382.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII — начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Гладкова 2001 — *Гладкова О. В.* Слово // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1002.
- Гучинова 2001 — *Гучинова Э.-Б. М.* Пища калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 231–249.
- Гучинова 2019 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222–269.
- Дамдинов 1989 — *Дамдинов Д. П.* О растительной пище монгольских народов // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ: [б. и.], 1989. С. 43–45.
- Иванюк 2015 — *Иванюк Б. П.* Плач. Словарная презентация жанра // ФИЛОЛОГОС. 2015. № 24(1). С. 23–29.
- Инжин Л. 1994 — *Инжин Л.* Боднцгин туск үг // Теегин герл. 1994. № 2. X. 5.
- Инжин Л. 2005 — *Инжин Л.* Боднцгин туск үг // Инжин Л. Санан: шүлгүд болн орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2005. X. 46–47.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Липинская 2001 — *Липинская В. А.* Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 18–249.
- Насунов 2017 — *Насунов Д.* Картошка // Насунов Д. Избранное. Стихи, рассказы, литературные портреты, эссе / сост. А. Д. Далаев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 28.

- Тепкенкиев 2007 — *Тепкенкиев Э. Түрүн иньгм — бодницг* // Тепкенкиев Э. И. Цаһан Сар. Стихи на рус. и калм. яз. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. X. 84–86.
- Тепкенкиев 2007 — *Тепкенкиев Э. Картошка* // *Тепкенкиев Э. И. Цаһан Сар. Стихи на рус. и калм. яз.* Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 41.
- Церенов 2017 — *Церенов В. Неброская красота* // Насунов Д. Избранное. Стихи, рассказы, литературные портреты, эссе / сост. А. Д. Далаев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 3–26.
- Шкаренков 2008 — *Шкаренков П. П. Гимн* // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 45–48.
- Шурганова 2013 — *Шурганова Р. Б. Глоток степного воздуха. Стихотворения на калм. и рус. яз.* Элиста: НПП «Джангар», 2013. 128 с.
- Шуурһна Р. 2014 — *Шуурһна Р. Бүлэн бодницг* // Теегин герл. 2014. № 5. X. 80–82.
- Эльдшэ Э. 1991 — *Эльдшэ Э. Көрэ бодницгт* // Теегин герл. 1991. № 1. X. 84.
- Эльдышев 1996 — *Эльдышев Э. Мерзлой картошке* // *Эльдышев Э. А. Ночное небо: стихотворения и поэмы.* Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 30.